

АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ВОЙНЫ

В ЭПИЗОДАХ И БИОГРАФИЯХ

A dramatic, high-contrast photograph of a tank in a desert battlefield. The tank is in the foreground, moving towards the viewer. In the background, other tanks are visible, and a large plume of dark smoke rises from the ground. The entire scene is bathed in a golden-yellow light, suggesting a sunset or sunrise. The image has a grainy, textured appearance.

БОРИС ТЕНЕНБАУМ

БОРИС ТЕНЕНБАУМ

**АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЕ
ВОЙНЫ**

В ЭПИЗОДАХ И БИОГРАФИЯХ

БОСТОН • 2008 • BOSTON

Борис Тененбаум

Арабо-израильские войны в эпизодах и биографиях

Издание 2-е, исправленное

Boris Tenenbaum

Arabo-israil'skiye Voyny v Epizodakh i Biographiyakh

(Arab-Israeli Wars: Epizodes and Biographies)

Second edition, corrected

Copyright © 2008 by Boris Tenenbaum

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1934881095

Library of Congress Control Number: 2008931092

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

 www.mgraphics-books.com

 mgraphics.books@gmail.com

Дизайн обложки: П. Крайтман © 2008

При подготовке издания использован модуль расстановки переносов русского языка **ВАН™** (www.batov.ru)

Отпечатано в США

*60-летию
государства
Израиль
посвящается*

АВТОР ВЫРАЖАЕТ ИСКРЕННЮЮ БЛАГОДАРНОСТЬ
СОТРУДНИКУ CENTRAL ZIONIST ARCHIVES В ИЕРУСАЛИМЕ

МОШЕ ГОНЧАРКУ

И АДМИНИСТРАЦИИ САЙТА **WWW.WARONLINE.ORG**

ЗА ЛЮБЕЗНО ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ ФОТОГРАФИИ И ИЛЛЮСТРАЦИИ,
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ЭТОЙ КНИГЕ.

Содержание

НЕЗНАМЕНИТАЯ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКАЯ ВОЙНА 1956 ГОДА	9
ЗНАМЕНИТАЯ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКАЯ ВОЙНА 1967 ГОДА	37
ГЕНЕРАЛ	99
МЮНХЕН И ОКРЕСТНОСТИ	189
ДЕЛО ХИНДАВИ	217
<i>От Автора</i>	228
<i>МИХАИЛ ХЕЙФЕЦ: ГОЛОС С «ОСТРОВА»</i>	230

**Незнаменитая
арабо-израильская война
1956 года**

ПРОБЛЕМА

Просто сказать, что во вторник, 27 сентября 1955 года, перед Израилем встала проблема — это было бы не слишком информативно.

Вся жизнь маленькой республики, начиная со дня ее победы в Войне за Независимость в 1948–1949 году, была одной сплошной вереницей проблем, одна другой труднее и запутаннее.

Ее население за 7 лет почти утроилось — с 600 тысяч человек до 1 700 000.

Экономику еще только предстояло растить, но новых граждан надо было кормить и как-то расселять — прямо сейчас.

Их надо было лечить — среди них было немало больных, попавших в Израиль чуть ли не напрямую из концлагерей.

Их надо было учить — среди 700 тысяч евреев, выкинутых из арабских стран, и принятых Израилем, неграмотных было много.

Из положения выходили посредством импровизированных мер. Людей распределяли по уже существующим сельскохозяйственным колониям. Срочно заводили новые — на это надо было много труда, и много воды — которую еще только предстояло добыть. Новых иммигрантов селили в лагерях, палатки в которых делали из четырех жердей и пяти листов жести — четыре на стены и один — на крышу. Из этих не слишком подходящих для строительства материалов израильскими были только жерди. Жесть же была британской, с оставленных английской армией складов. И дело было отнюдь не в филантропии. Просто практичные англичане, эвакуируя Палестину перед разделом мандата, посчитали, что эту жесть дешевле бросить, чем вывезти.

Проблемы носили не только материальный, но и социальный характер. Новые иммигранты из «восточных» общин были не просто продуктами арабской цивилизации, но довольно часто отражали ее дно. Преступность, проституция и наркомания, прежде не слишком знакомые «ишуву», взлетели до небес.

Марокканский еврей, поссорившись в очереди за распределяемой по карточкам мукой с болгарским евреем, отхватил ему ножом нос — эта история попала в газеты и имела национальный резонанс.

Совершенно отдельно стояла проблема безопасности. Арабские страны, потерпевшие поражение в войне 1948–1949 года, пока что не рисковали начать «второй раунд», о котором все время писала их печать. Но все возможное, что можно было сделать во вред Израилю, не достигая порога полномасштабной войны — все это делалось, и вот уж действительно — в полной мере.

Все нормальные торговые связи были порваны. Израилю был объявлен полный экономический бойкот. Не только Суэцкий Канал был закрыт для израильских судов — и даже для грузов, идущих в Израиль, что, вообще говоря, нарушало международную конвенцию, регулирующую работу канала — но даже доступ в Акабский залив к израильскому порту Эйлат был блокирован египетской армией.

Границы не были признаны, и как таковые, демонстративно не охранялись. То есть, они не охранялись избирательно — вооруженные группы «федаинов» — борцов за свободу — пропускались на израильскую сторону беспрепятственно. Различия между военными и гражданскими, или между мужчинами и женщинами, или, скажем, между взрослыми и детьми — «федаины» не делали. В течение 1953 года, например, было убито и ранено более ста восьмидесяти израильтян. Для сравнения — гражданам Российской Федерации эту цифру предлагается умножать на сто — получится похожий размер воздействия на общество в целом.

Пограничные инциденты случались практически ежедневно, и армия не справлялась с защитой страны от нападений.

Меры по защите тоже приходилось импровизировать.

Одно из мероприятий состояло в ответных ночных рейдах на территорию Иордании. Делалось это специальным подразделением «коммандос», само существование которого отрицалось. Людей туда отбирали самых лучших, буквально по одному — и результаты оказались самыми положительными.

Командовал этой частью (созданной им же в 1953 году) очень энергичный и дельный молодой офицер, 25-летний майор, по имени Ариэль Шарон.

Иордания неожиданно «...увидела свет...».

Количество инцидентов на иорданской границе в период с 1953 года и до осени 1955-го резко сократилось. Зато, правда, накалилась граница с Газой, которую контролировали египтяне — но это уже была другая история.

Короче говоря — проблем хватало, и проблем самых разнообразных.

Тем не менее, известие о том, что Египет подписал «...коммерческое соглашение с Чехословакией о поставках Египту оружия...» вызвало немедленный кризис, отодвинув на задний план все остальное.

Перед Израилем встала **Проблема** — проблема с большой буквы.

Поставки оружия на Ближний Восток регулировались Трехсторонним Соглашением 1950 года, заключенным между Англией, Францией и США. Идея была в ограничении гонки вооружений в регионе, и соглашение это более или менее выполнялось.

К 1955 году Израиль имел около 50 реактивных истребителей «первого поколения» — французского и английского производства, и примерно 100 старых танков «Шерман» времен Второй Мировой Войны. Египет имел около 80 таких же самолетов и примерно 170 танков «Шерман». Разница в числе не слишком волновала израильское командование — они твердо верили в качественный перевес своих солдат.

Главной заботой в начале 50-х годов было раздобыть хоть какое-то стандартное оружие для пехоты — вместо двух десятков разнообразных типов винтовок, оставшихся со времени Войны за

Независимость. Но даже и таких винтовок не хватало. Как минимум, хотелось обеспечить хотя бы один стандартный патрон.

В начале 50-х начали поступать на вооружение автоматы местного производства, «Узи», но в очень незначительных количествах.

Корпуса танков раздобывали — буквально — на свалках металлолома в Европе, и потом с превеликими трудами и расходами переделывали их во что-то, что могло передвигаться.

«Чехословацкая коммерческая сделка» меняла все правила игры.

Хотя параметры сделки оставались неизвестными еще долгое время, все понимали, что ради пустяков такой большой дипломатический шаг делать не будут.

Как оказалось, Египет получал 200 самолетов «второго поколения» — то есть сильно лучше израильских «Метеоров» и «Ураганов», около 400 танков и самоходок — качеством много лучше «Шерманов», 200 бронетранспортеров, и даже военные корабли — например, 6 подводных лодок. Никто не задавался вопросом — *«...а откуда же в Чехословакии взялись подводные лодки?...»* — потому что было совершенно ясно, что за сделкой стоит Советский Союз, и уж эта великая держава и подводные лодки имеет, и никакими Трехсторонними Соглашениями ограничена не будет...

Поскольку перевес 4 или 5 к одному отразить одной доблестью трудно, надо было принимать немедленные решения. Выбор был простым — или немедленная превентивная война «на упреждение», или попытка — срочно и немедленно — найти где-нибудь источник оружия, который позволил бы хоть как-то уравнять силы.

В ПОИСКАХ РЕШЕНИЯ

Уже 10 октября Кнессет собрался на экстраординарное заседание. Лидер правой оппозиции, Менахем Бегин, громил правительство за бездействие. Другие депутаты были ненамно-

го сдержаннее. *«Если американцы не продадут нам оружие, мы не будем ждать, пока нас зарежут как на бойне...»* — это выглядело типичной цитатой.

Премьер-Министр Моше Шарет, однако выразил надежду, что *«...мир не останется равнодушным и не оставит Израиль безоружным перед лицом столь очевидной угрозы самой жизни нашей страны...»*.

В воскресенье, 23 октября 1955 года, Шарет улетел в Европу. В течение следующих 9 дней он встретился в Париже и в Женеве со многими влиятельными людьми — с Премьер-министром Франции Форэ, с Министром Иностранных Дел Великобритании Макмилланом, и даже с Государственным Секретарем США, Джоном Фостером Даллесом.

Встретили его скорее неласково.

Многие западные дипломаты выражали недоумение, зачем, собственно, Шарет вообще появился в Женеве, где ведущие страны мира обсуждали *«...действительно важные, глобальные проблемы...»*.

В поставках оружия ему было отказано.

Макмиллан, правда, сказал послу Израиля в Великобритании — который тоже присутствовал на встрече — *«...Вы не представляете, как мне больно говорить с вами подобным образом...»*, но, как истый англичанин, он мужественно справился со своей болью, и в поставках оружия отказал категорически.

Даллес выражался более мягко, но суть дела это не меняло. Он полагал, что *«...следует решить все спорные вопросы миром...»*, что *«...Израилю следует подумать о территориальных уступках...»*, и что *«...судьба маленькой страны не может зависеть от ее вооружений, а только от соблюдения международных соглашений и от ООН...»*.

Частным образом Даллес выражал надежду, что неопределенные разговоры о возможной продаже Израилю некоторых видов оборонительного оружия позволят протянуть время и удержать Израиль от *«...необдуманных действий...»*.

Однако принципиальное решение было уже принято — в оружии Израилю следует отказать, а проблему «чехосло-

важкой сделки» следует решать в переговорах с Президентом Египта, Гамалем Абделем Насером.

Даллес вовсе не был злодеем. Он находился в позиции игрока в шахматы, чей противник сделал неожиданный и сильный ход. Шахматной доской был мир, а противником — СССР.

Советское оружие для Египта давало Советскому Союзу политическое присутствие в регионе, где у него раньше не было «клиентов».

Если США или Англия снабдили бы оружием Израиль, они потеряли бы большую долю влияния и авторитета в арабских странах.

Но если бы они не сделали этого, то тогда победа Египта в будущей неизбежной войне — или, как минимум, конфронтации — была бы достигнута именно советским оружием — что приводило к такому же результату, к выигрышу для СССР.

Оставалось искать контрмеры — и они американцами были найдены. В согласии с Англией в США был принят так называемый «План Альфа».

Суть его заключалась в следующем — Насеру будет позволено оставить у себя его «чехословацкое» оружие. Ему будет также предложена обширная экономическая помощь США в виде согласия на займы для финансирования строительства Асуанской Плотины.

Конфликт же между Египтом и Израилем будет улажен. Израиль что-то отдаст на юге — весь Негев, как предлагал английский Премьер Иден — или часть его, как предлагали американские дипломаты — и таким образом непереносимое условие Насера о «мосте» между арабами Азии и арабами Африке будет удовлетворено — у Египта будет общая граница с Иорданией.

Израиль надо будет «...убедить пойти на территориальные уступки в интересах общего мира...», а от превентивной войны его надо будет удержать долгими переговорами с неопределенными обещаниями «...благоприятно рассмотреть...» его просьбы о поставках оружия.

Но, так как арабо-израильская война была бы все-таки нежелательна, то Египет заключит с Израилем мир — или, по

крайней мере, вступит с ним в серьезные переговоры о мире, при американском «...благожелательном посредничестве...».

Кроме того, подразумевалось, что Египет и его президент, Гамаль Абдель Насер, перестанет противиться планам Великобритании создать т.н. Багдадский Пакт, который объединит страны Среднего и Ближнего Востока в единый блок под западным патронажем — с целью исключить советское влияние в этом регионе.

Это, переходя к шахматным терминам, был элегантный план — надо было только «подвинуть пешку», т.е. Израиль.

«Пешка» двигаться категорически отказалась.

Причины были вполне понятны — Израиль должен был отдать арабам около трети своей территории, свой единственный порт на Красном Море, согласиться на ухудшение и без того очень неудовлетворительных границ — и все это в обмен на честное слово лидера Египта, данное им в том, что он считает конфликт законченным.

Но самое занятное было то, что Насер тоже не принял этого — казалось бы, такого для него выгодного — американско-английского предложения. Как написал Фуад Аджуми в своей известной книге *«Dream Palace of the Arabs»* — «...не в первый раз прямолинейный американец уходит с восточного базара с обчищенными карманами и уязвленным самолюбием...».

Насер, собственно, не отказывался от предложений, он их ласково выслушивал. Он даже говорил, что предложения эти вполне дельные — особенно английское. Он только не хотел делать ничего из того, что требовалось от него самого.

Конечно, очень трудно понять человека столь далекой от нас культуры.

В вышедшей совсем недавно, в 2004 году, новой биографии Насера, написанной палестинским арабом, явно интеллигентным человеком, полжизни проведшим в Европе, работавшем для агентства Рейтер и для БиБиСи, написано, что Насер был мягким и добрым человеком, который участвовал в политическом покушении всего один раз — и ему это не понравилось.

В мемуарах друга Насера, Мохаммеда Хейкала, простодушно написано, что когда новые правители Ирака прислали Насеру в качестве сувенира отрезанный палец его врага, убитого ими

Премьера Ирака Нури Саида, то Насер «...грустно улыбнулся и велел похоронить палец в саду президентского дворца...».

Попробуйте представить себе Шарля де Голля, получающего в подарок от Идена палец Ги Молле — и разница во «времени цивилизаций» станет для вас яснее.

Но, помимо культурных различий, у Насера были и вполне рациональные причины для несговорчивости. Его не устраивал никакой, даже самый щедрый дар, если он вынуждал его занять определенную позицию в споре между СССР и США. Держаться посередине, лавировать и продавать свою ненадежную лояльность снова и снова было несравненно выгоднее. Кроме того, Насер уже не рассматривал себя, как лидера только Египта — он настаивал на том, что представляет всех арабов. Следовательно, согласие не то что на мир, но даже и на переговоры о мире с Израилем — это было для него неприемлемо.

В Израиле тем временем поисками решения занимался неофициальный комитет, который возглавлял не Премьер-министр Шарет, а лицо куда более авторитетное — министр обороны в правительстве Шарета.

Дело было не в том, какой именно пост занимал этот человек, а в том, кем он был. Давид Бен Гурион в Израиле был эквивалентом Ленина или Вашингтона — отцом-основателем нации, живой легендой.

Он и в самом деле был очень примечательным человеком. Типичный представитель своего поколения, «безродный космополит», говоривший на полудюжине языков, он родился в Польше, примкнул к сионистскому движению, переехал в Палестину — «...строить страну...», учился на юриста в Турции — но влияние приобрел как профсоюзный деятель еврейских рабочих Палестины.

К началу Войны за Независимость он стал бесспорным лидером «ишува», отодвинув в сторону даже таких ярких людей, как Зеев Жаботинский и Хаим Вейцман.

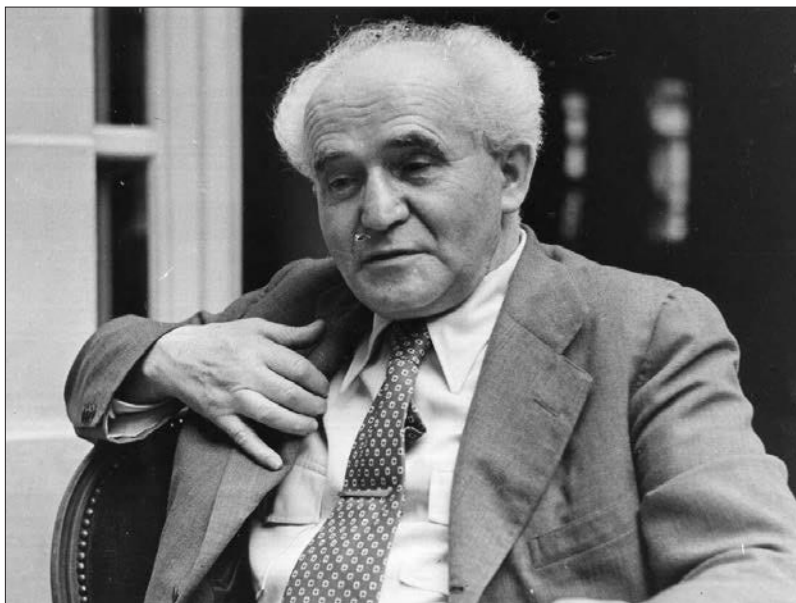
Трудно представить себе более скучную книгу, чем его мемуары — что-то в этом духе мог бы написать Пospelов. Бесконечные внутрипартийные дразги, профсоюзные интриги, и т.д.

А между тем под его руководством была выиграна война, разоружены и расформированы «частные» армии вроде сильно правого Иргуна или сильно левого Пальмаха, созданы аполитичные — принадлежащие не партиям, а нации в целом — армия и суд.

В довершение всего он после победы отказался от власти — уехал в свой киббуц в Негеве, и занялся там, в частности, изучением испанского — ему пришла в голову фантазия научиться читать «Дон Кихота» в подлиннике.

К моменту «чехословацкого» кризиса он вернулся в правительство в качестве министра обороны — и поиски решения естественным образом оказались в его сфере ответственности.

Функции разделились — министерство иностранных дел и Премьер Шарет пытались убедить американцев (на англичан надежды никакой не было) изменить свою позицию, а министерство обороны действовало по двум направлениям сразу — пытались спровоцировать Египет на неосторожное — до того, как будет получено все советское оружие — начало военных дей-

Давид Бен Гурион

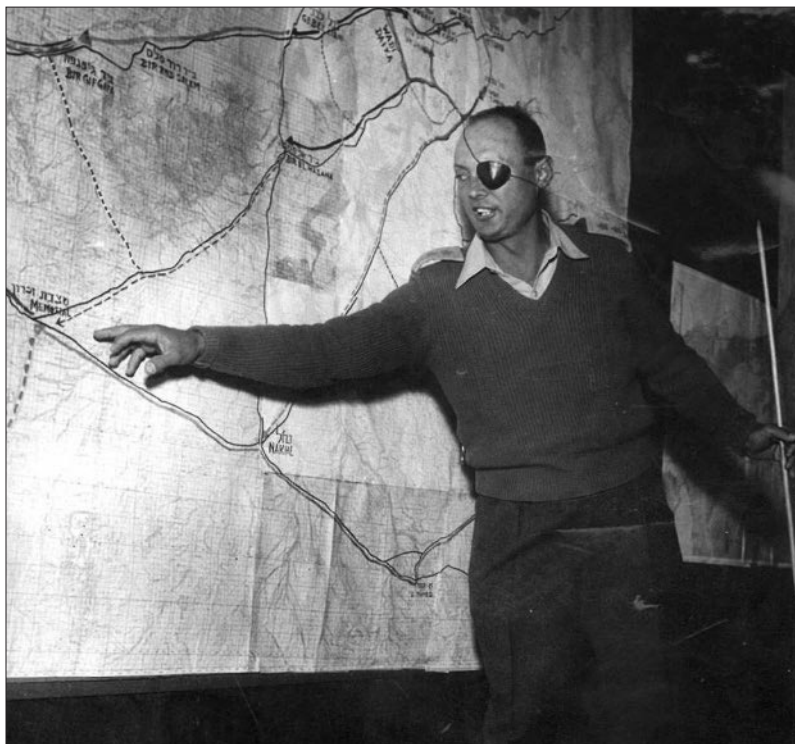
ствий, и из всех сил старалось получить уже заказанное оружие из французских арсеналов.

Заказано было немного — 12 самолетов и 30 танков — однако протеже Бен Гуриона, молодой, но очень способный директор аппарата министерства обороны, по имени Шимон Перес, полагал, что в этом направлении можно будет кое-чего добиться.

Далеко не сразу, но ему это действительно удалось.

Сначала дело выглядело вполне безнадежным. Министерство иностранных дел Франции даже сделало попытку остановить уже согласованные поставки — там возникла блестящая мысль обменять эмбарго на израильское оружие на согласие Насера прекратить помощь алжирским повстанцам.

Попытка эта была с презрением отвергнута.

Моше Даян, ноябрь 1956 г.

И тогда победила точка зрения министерства обороны Франции, которое предлагало создать Насеру проблемы на его восточном фланге.

Соображения в пользу сотрудничества выглядели убедительно — Израиль был готов покупать французское оружие на долгосрочной основе, был готов платить наличными (в Израиле пришлось ввести новый специальный налог, но это было не так важно по сравнению с необходимостью в оружии), Израиль с готовностью предоставлял Франции разведывательные данные, связанные с египетской деятельностью в Алжире (которые оказались очень ценными для французской армии), и — *last but not least* — предоставлял возможность сделать неприятность англосаксам, что во Франции рассматривалось как пикантная деталь — еще задолго до того, как это стало официальной политикой генерала Де Голля.

Последней соломинкой стал неожиданный отказ Индии от уже согласованной поставки ей 200 французских самолетов «Mystere» — русские предложили Индии «МиГи» на несравненно более выгодных условиях, похожих скорее не на коммерческую сделку, а на подарок.

При всем желании Израиль не мог возместить Франции этот урон — на 200 реактивных истребителей просто не было фондов — но 50–100 самолетов Израиль был готов купить, и это было много лучше, чем ничего.

Сделка состоялась. Экзотической ее особенностью была необходимость в соблюдении секрета не только от американцев, например, но и от собственных министерств иностранных дел.

Самолеты перелетали в Израиль маленькими группами, под видом старых машин, отправленных изготовителю на ремонт, и возвращающихся обратно. Просто обратно возвращалось много больше, чем улетало.

Танки были доставлены не из Франции, а с армейских складов в Алжире, и не в порт, а прямо на берег, высадкой с танко-десантных кораблей.

Первую группу — ночью, на неосвещенном пляже — встречали самые ответственные лица страны — министр обороны (вскоре опять ставший Премьер-министром) Давид Бен Гури-

он, начальник штаба Армии Обороны Израиля Моше Даян — и приглашенный специально на это сверхсекретное событие человек без всяких официальных полномочий — поэт Натан Альтерман.

ВОЙНА ОТКЛАДЫВАЕТСЯ

Даян не ошибся со своим приглашением. Натан Алтерман написал хорошие стихи на тему «...спасения, приходящего из темного моря на Левиафане...».

Стихи были настолько хороши, что их процитировал в своей речи в Кнессете сам Бен Гурион — только значительно позднее, не в июле, а в сентябре 1956. По понятным причинам даже индизнакательно-поэтическое описание высадки французских танков на пляж под Тель-Авивом для сведения широкой публики никак не предназначалось.

Хотя, собственно, публика была в курсе — все всё знали, хотя и не в деталях. При еврейском населении в полтора миллиона Израиль был в 1956-м году «...очень маленькой страной...». Все знали всех. Каждый мужчина был если не солдатом, то резервистом.

А военные не сидели, сложа руки, в ожидании того, что политики добьются какого-то результата. В армии шла лихорадочная подготовка. Солдат учили днем и ночью — в самом буквальном смысле этого выражения. Старые списанные танки резерва спешно латали в надежде успеть сформировать второй полноценный танковый батальон — пока в наличии был только один.

Еще зимой 1955-го, меньше через два месяца после получения известий о «чехословацкой сделке» секретная часть «командос» — уже развернутая в парашютный батальон 202 — получила новый персонал и стала парашютной бригадой, все с тем же номером, 202.

Возглавил ее все тот же толковый молодой офицер, Ариель Шарон, теперь уже полковник.

В авиации — ею командовал тогда генерал Дан Толковский — летчиков обучали тактическим приемам, которые давали непроторным израильским «Метеорам» хоть какой-то шанс против быстрых «МиГ-15».

Идея, придуманная одним из лучших пилотов израильских ВВС, заключалась в том, чтобы намеренно дать «МиГу» зайти в атаку с хвоста, и в последний момент резко сбросить скорость, провалившись вниз и пропустив самолет противника вперед. Это давало 2–3 секунды преимущества, в течение которых можно было успеть сбить вражеский самолет. У аса это получалось — проблема была в том, чтобы обучить такой же головоломной методике всех остальных.

Внедрением метода занимался заместитель генерала Толковского, 30-летний полковник Эзер Вейцман — вообще известный своей большой оригинальностью подхода к встречающимся ему проблемам.

Например, столкнувшись с тем, что киббуцы неохотно отпускали своих членов на офицерские курсы пилотов, Вейцман, бывший летчик Британских Королевских Военно-Воздушных сил, являлся на собрания сельских кооперативов в полной форме британского офицера (очень нелюбимой в ту пору в Израиле), с усиками и стеклом включительно и, дождавшись, когда стихнет неодобрительный гул собрания, спрашивал: *«Ну что, вы хотите, чтобы все наши пилоты выглядели как я?»*.

Получение 36 современных «Mystere-IV» наконец-то сняло с его плеч такие экзотические задачи как организация успешного воздушного боя устаревшего самолета против куда более современного противника.

Израиль получил также 140 легких танков АМХ-13 и 40 модернизированных «Шерманов», еще 100 «Шерманов» ожидалась осенью. АМХ-13 был вооружен 75-мм пушкой с высокой дульной скоростью, делал до 60 км/ч, имел слабую броню, но хорошо подходил для разведки и — действуя из укрытий — был достаточно хорош для задач противотанковой обороны.

В любом случае, выбирать не приходилось — израильские танкисты брали что дают. К сентябрю 1956-го года планиро-

валось иметь всего, с учетом 130 машин, имевшихся ранее, 380 танков, более или менее современных.

Единственная бронетанковая бригада Израиля, 7-я, с ее пресловутым единственным танковым батальоном, теперь не только сформировала второй такой батальон, но и начала «размножаться» — в ударном порядке появились две новые резервные танковые бригады — 27-я и 37-я, вооруженные в основном танками АМХ-13.

Угроза войны отодвинулась — Израиль к ней был готов куда лучше, чем в конце 1955-го. Если египетская армия решит попробовать свои силы теперь, ее будет, чем встретить.

Наша история вполне могла бы закончиться на этой точке.

НЕОЖИДАННЫЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПОВОРОТЫ

Но она не закончилась.

Она получила новый и вовсе никем неожиданный поворот — 26 июля 1956 года в речи по случаю 4-й годовщины египетской революции Насер сообщил своему народу, что он решил национализировать Суэцкий Канал.

В Англии это сообщение произвело эффект разорвавшейся бомбы. Если что и олицетворяло Британскую Империю в 1956-м году, то это был именно Суэцкий Канал. Престиж английского правительства — в Ираке и вообще на всем «английском» Ближнем Востоке — оказался под такой угрозой, что принципиальное решение о военной операции было принято кабинетом Идена практически сразу.

Французы выразили полную готовность помочь — их интересы не страдали так сильно, как английские, но они были совладельцами Канала, и мысль ослабить или вовсе устранить режим Насера представлялась им желательной.

Это было просто и понятно, но вот дальше начались сложные дипломатические танцы.

Премьер-Министр Англии Иден хотел во что бы то ни стало обернуть английские действия в «плащ законности» — что было

не просто, потому что формально право было на стороне Египта, Канал был частью суверенной территории этой страны.

Кроме того, он очень не хотел, чтобы действия эти выглядели как поворот Англии в арабо-израильском споре на сторону Израиля — Англия должна была оставаться «другом арабов».

Ссора была только с Насером.

Поэтому буквально сразу после начала скрытой подготовки к вторжению в Египет английский Foreign Office сделал формальное предупреждение — если Израиль нападет на Иорданию, то Англия будет считать, что *«...пакт о взаимной обороне с Иорданией обяжет Правительство Его Величества принять все необходимые меры, чтобы пресечь агрессию против дружественной страны...»*.

Возникает естественный вопрос — «А причем тут Иордания?» Однако в тот момент Иордания была очень даже «...причем...». Её армией вплоть до весны 1956 командовали британские офицеры во главе с генералом Глаббом, или, как его называли в Иордании, Глабб-Пашой. Однако весной генерал Глабб и все его английские подчиненные были уволены, а на их место были поставлены их арабские заместители.

Король Хуссейн ничуть не сомневался в лояльности своих английских офицеров.

В момент увольнения генерал Глабб как раз разрабатывал план англо-иорданской войны против Израиля — на тот случай, если план «Альфа» надо будет внедрять силой.

Но в армии было беспокойно, и королю надо было во что бы то ни стало удержать ее от вполне возможного мятежа, по образцу того, который привел к власти в Египте Насера и его «Свободных Офицеров».

Одновременное продвижение нескольких десятков наиболее активных офицеров на освободившиеся вакансии эту проблему решало — по крайней мере, временно.

Однако неприятности начались почти сразу — новый командующий, молодой генерал Али Абу-Нувар, был человеком тонким, совершенно чуждым простой незамысловатой английской прямолинейности генерала Глабба, и он повел сложную, двойную и даже тройную игру, демонстрируя одновременно

лояльность королю, симпатии к врагу короля Насеру, и полную готовность предавать одного из них другому участием сразу в дюжине заговоров и контр-заговоров. В частности, он проявил теплые, истинно братские чувства по отношению к египетскому военному атташе в Аммане, полковнику Салахеддину Мустафе.

А полковник занимался, в частности, подготовкой «федайнов», и они в результате начали осуществлять «челночные» операции — из Газы в Иорданию, и обратно.

Поскольку обстрелы со стороны Иордании начали учащаться, и в них стали участвовать пограничные части иорданской армии — чего раньше не было — то в Израиле возник вопрос — дело тут только в злокозненном египетском атташе — или ему помогают из королевского дворца и из штаба иорданской армии? Положительный ответ на этот вопрос мог иметь для Иордании самые печальные последствия, что в Аммане прекрасно понимали. Так что английский демарш пришелся очень кстати.

Однако Израиль в тот момент не планировал никаких действий на иорданской границе. Все внимание было поглощено рассмотрением французских предложений.

Французы предлагали союз в совместном нападении на Египет.

Бен Гуриона одолевали серьезные сомнения. Если что и сближало его с Насером, так это было глубокое недоверие к Англии.

Будут ли англичане участвовать в предлагаемом союзе? Если будут, то будет ли этот факт оформлен официальным договором, или он останется «джентльменским соглашением»?

Бен Гурион доверял своим французским партнерам и был готов им помочь предоставлением и портов, и аэродромов, и даже непосредственным участием в военных действиях, и все это — под честное джентльменское слово — но вот англичан «джентльменами» он не считал.

Согласно французским планам, Израиль должен был начать войну атакой на Синайском Полуострове, и «...создать опасность...» для Суэцкого канала — что должно было дать предлог для Англии и Франции к вмешательству.

Где гарантия того, что Англия не станет утверждать, что угроза Каналу в самом деле существует, и не бросит Израиль без помощи в войне, или даже сама не нанесет удар по израильским аэродромам?

Короче говоря, Бен Гурион требовал формального союза с Великобританией, пусть секретного, но изложенного в письменной форме и подписанного Премьер-министром. Англичане и слышать не хотели о такого рода документе, израильтяне же отказывались выступать в роли «английского агента», открыто выражая сомнения в добросовестности своих потенциальных союзников.

Французы оказались в положении, при котором два их союзника отказывались не то что доверять друг другу, но даже и разговаривать напрямую — все переговоры велись только через посредничество Франции.

В Израиль между тем шел поток военных материалов из Франции — танки, полугусеничные транспортеры, грузовики, безоткатные орудия — их ставили на джипы, получалось подвижное средство огневой поддержки пехоты, что-то вроде тачанки.

Бен Гурион выговорил условием, что французские истребители будут размещены на израильских аэродромах — как предосторожность против возможных бомбежек израильских городов. Формальной причиной выставлялось то, что израильские пилоты не успели еще освоить новые самолеты, но вполне возможно, что Бен Гурион скорее опасался англичан — во всяком случае, их он опасался больше, чем арабов.

Французский представитель, генерал Шалле, спокойно принимал все условия — у Египта было на Синае немало самолетов, и 4 дивизии, и было очень важно отвлечь их от района высадки.

План выглядел так — Израиль начинает наступление на Синае. Англия и Франция немедленно предъявляют обеим сторонам — Израилю и Египту — ультиматум с требованием отступить от Канала на 10 миль, который Израиль немедленно принимает. Если Египет откажется сделать то же самое, то в течение семидесяти двух часов англичане и французы откроют против него военные действия.

Францию интересовал Канал. Израиль имел свои интересы — прекращение рейдов «федаинов» из Газы и снятие блокады Эйлата. Важным мотивом был сам факт выступления заодно с одной, а может быть и с двумя крупными европейскими державами — у Израиля не было союзников — только «благожелатели», вроде США — а средства самозащиты благожелатели не предоставляли.

К 9-му октября было решено и согласовано решительно все, кроме одного — будут англичане участвовать в атаке или нет? Вопрос был чрезвычайно важным, потому что без этого условия Израиль отказывался от участия в войне — это было бы слишком рискованно политически.

21-го октября Бен Гурион улетел в Париж на французском самолете — американском лайнере, подаренным президентом Рузвельтом генералу де Голлю в 1945 году.

Генерал Шалле уговаривал израильтян согласиться на операцию без формального договора с англичанами. *«Идену нужна эта шарада израильского нападения просто для успокоения общественного мнения, для того, чтобы Англия могла выступить как полицейский»* — говорил он. *«И у вас будут неофициальные документы, из которых будет видно, что ваша атака — это просто согласованная постановка пьесы».*

«Я слышал, что Шекспир был великим драматургом» — отвечал ему Даян — *«Но я сомневаюсь, что Иден столь же талантлив».*

Конференция открылась в Севре, на вилле семьи Боннэ де ла Шапель. Их 18-летний сын погиб в Сопротивлении, и они охотно предоставили свой дом французскому правительству, не задавая никаких лишних вопросов. Английские и израильские делегаты в первый раз сошлись за одним столом для прямого разговора о деле.

Переговоры шли трудно. Англичане настаивали на *«...реальном акте войны, предпринятом Израилем в непосредственной близости к Каналу...»* для того, чтобы Англия могла вступить в войну *«...для спасения международного судоходства...».* Израиль же опасался остаться в одиночестве и в положении обвиняемого в неспровоцированном нападении на Египет.

В конце концов, соглашение было подписано.

На пути обратно Даян нарисовал карикатуру — Джон Булль и гордая Марианна, вежливо приглашающие маленький Израиль пройти в дверь первым «...только после вас...»

ОПЕРАЦИЯ «КАДЕШ»

25-го октября 1956 года Израиль начал мобилизацию. Французские истребители-перехватчики начали прибывать в Израиль 28-го октября — для них выделили специальный аэродром. Два французских эсминца и один крейсер пришли на рейд Хайфы.

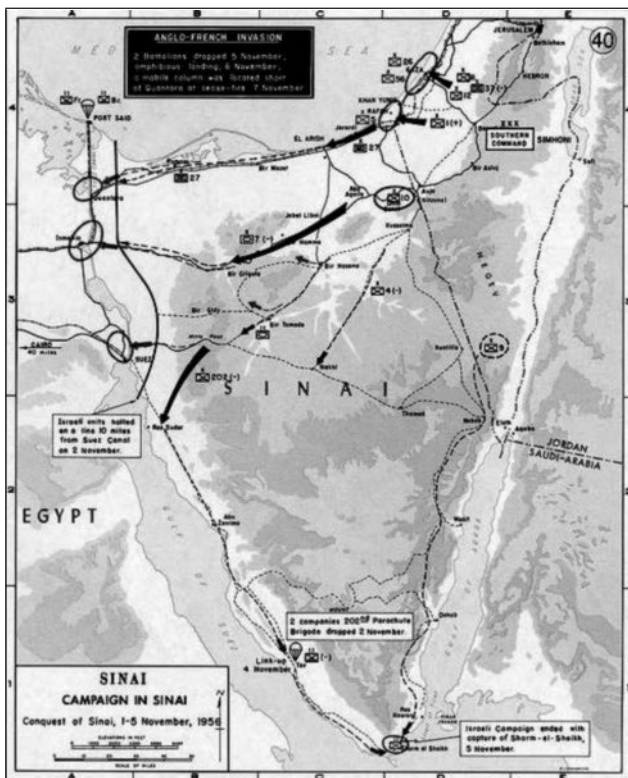

Схема военной операции на Синае

3 тысячи французских солдат, летчиков и моряков за один-два дня разместились на импровизированных базах, созданных для них в Израиле.

28-го октября в 7:00 вечера израильское радио сообщило, что *«...в ответ на бесконечные провокации египетской стороны Армия Обороны Израиля нанесла удары по египетским позициям недалеко от Суэцкого Канала...»*.

Война началась, и началась она самым парадоксальным образом, против всякой военной логики. Изменения в плане израильских операций были сделаны в самый последний момент и включали в себя пункты, которые оставили всех офицеров израильского штаба в полном недоумении.

- Элитная бригада парашютистов была нацелена не против важных объектов, а направлена вглубь Синая, к перевалу Митла, в 40 км от Канала.
- О начале операции было объявлено по радио.
- Ни танки, ни авиация не должны были быть задействованы в течение следующих 36-и часов.

На вопросы своих подчиненных Даян не отвечал, а просто — вопреки всем правилам израильской армии, где приказы вот уж именно обсуждаются, и иногда довольно бурно — приказал выполнять, что велено, сославшись на то, что все это — по важным политическим причинам. Изменения эти были рождены в хитроумном мозгу Даяна, и целью имели сохранить возможность повернуть обратно — на случай, если англичане передумают.

Иден получил свой предлог — военные действия в непосредственной близости к Каналу. Теперь у англичан есть 36 часов на выполнение их части пьесы. Если они поступят согласно договору, то все в порядке, можно продолжать.

Если они в последнюю минуту откажутся действовать, или даже выступят против *«...неспровоцированной израильской агрессии...»*, то тогда никакой войны не было и в помине, а был рейд израильской армии в Синай, просто он был необычно глупокий — что вполне оправдано нескончаемыми атаками «фedayнов» из египетской Газы.

Но пока что надо было действовать, и действия начались изобретательным ходом — 4 допотопных винтовых самолета израильских ВВС, Р-51 времен Второй Мировой Войны пересекли египетскую границу с задачей — прервать связь в тылу египетской армии. Египтяне не доверяли радио, и предпочитали ему телефонные линии, которые были проложены по всему Синаю обычным в ту пору образом — медными проводами, развешенными по столбам.

Вот эти провода и стали целью — их добросовестно, во многих местах и на большом протяжении — порубили пропеллерами.

А в центре Синая в самом деле был высажен парашютный десант — один батальон, лучший из всей 202 бригады полковника Шарона. Командовал батальоном Рафаэль Эйтан.

Остальная бригада Шарона двинулась вглубь Синая на соединение с передовым батальоном по малопригодной к движению тропе, обходя или уничтожая мелкие египетские заслоны. Шарон потерял по пути из-за поломок десять танков из тех 13, что у него были, но добрался до группы Эйтана.

Его не зря прозвали «Бульдозером».

Пока все шло по плану. Англичане и французы предъявили свой ультиматум, как и было запланировано. Но, как известно — план это то, что не выдерживает столкновения с действительностью. Первое нарушение его произошло со стороны израильтян. Командующий израильским Южным Фронтом, генерал Симхони, обнаружил неохранный проход в вади, который вел вглубь Синая, в обход египетских укреплений.

Дорога эта была непроходима для колесного транспорта, но у него под рукой была бронетанковая бригада, 7-я, лучшая из тех трех, что были в армии. Командовал ею полковник Бен-Ари, лучший танкист Армии Оборона Израиля.

Вообще-то его фамилия была Боннер, он был из Германии, потомственный военный — его отец был ветераном Первой Мировой Войны, награжденным Железным Крестом. Но, поскольку он был евреем, его сожгли в Дахау, со всеми родственниками — кроме 14-летнего сына, уехавшего в Палестину. Сын теперь был взрослым, офицером, воюющим за свою страну. Он шел в атаку

против ее заклятых врагов, и ни задерживаться, ни останавливаться он был не намерен.

7-я бронетанковая бригада за считанные часы прошла через засыпанный песком и камнями перевал и развернулась веером в тылу египетской дивизионной базы Абу-Агейла. Когда спохватившийся Даян собрался вернуть бригаду, было уже поздно — вместо того, чтобы находиться в 40 км в глубине Негева, она была в 40 км в глубине Синая.

Теперь «...вернуть обратно после прыжка с трамплина, если ты передумал...» стало невозможно.

Даян отнесся к срыву своего плана философски — оставалось просто извлечь максимум пользы из того, что изменить было все равно нельзя. Полковнику Бен-Ари было приказано продолжать в том же духе — что он и сделал. Египетская оборона разваливалась на глазах.

Куда больше израильское командование беспокоил тот факт, что англичане свои операции отложили. Они ссылались на большую концентрацию зениток в районе Канала, и собирались атаковать не утром, а в сумерках. Шимон Перес отправил чрезвычайно сердитую телеграмму израильскому послу в Париж, для передачи союзникам, требуя немедленных действий.

«...Мы оставлены в одиночестве, в тот момент, когда наши войска сражаются против египетской армии, в то время как наши союзники не делают ничего, ссылаясь на оперативные соображения — несмотря на ясно согласованные и подписанные соглашения. Мы рассматриваем поведение англичан как саботаж...».

Бен Гурион выразился сильнее — правда, не публично, а в дневнике — назвав Великобританию «...старой бл...ю...». Он сильно подозревал Идена в измене и малодушии, и был в полной ярости оттого, что — с целью сэкономить на средствах атаки египетских авиабаз — Англия оставляет израильские города открытыми для бомбежек. К ночи его тревоги улеглись — англичане выполнили свое слово и открыли огонь.

ОПЕРАЦИЯ «МУШКЕТЕР»

В отличие от израильтян англо-французские силы действовали медленно. Десанты были высажены только на 4-й день операции. Английское командование не захотело решительно двинуться в зону Канала — не хотелось подставлять парашютистов под возможную танковую атаку. Французы предложили использовать для поддержки десанта израильские танки — часть бригады полковника Бен-Ари стояла в 16 км от Канала. Предложение англичанами было отвергнуто — «...по политическим соображениям...».

А в ООН тем временем шла форменная буря. США внесли проект резолюции, призывающий к немедленному приостановлению военных действий. Англия и Франция наложили на проект вето — вероятно, единственный к тому времени случай, когда западные страны воспротивились предложению США.

Они немедленно пожалели о своем решении. Президент Эйзенхауэр пригрозил уронить английский фунт. СССР, выяснив, что конфронтация с США ему не грозит, прозрачно намекнул, что будет готов *«...помочь братскому народу Египта добровольцами, а против агрессоров, попирающих волю ООН, СССР направит свои ракеты...»*.

Трудно сказать, что больше повлияло на англичан — угроза их фунту, или угроза ракетами — пожалуй, за фунт они боялись все-таки больше, потому что, в отличие от «...ракет...», угроза фунту была очень даже осуществима — но отбой они забили немедленно.

Операция «Мушкетер», направленная на захват Канала и на свержение режима Насера, провалилась, толком не начавшись.

Действия СССР были вполне предсказуемы. Но вот почему США выступили так резко против собственных союзников?

Действиями президента Эйзенхауэра руководил холодный реализм.

Еще во время Второй Мировой Войны за фасадом полного союзнического англо-американского согласия стояли вопросы,

по которым стороны во мнениях расходились очень резко. Например, США считали, что время колониальных держав прошло.

Европейские страны не имели больше ни сил, ни ресурсов, необходимых для удержания своих азиатских и африканских владений. Из этого простого факта следовали неоспоримые выводы — надо было налаживать сотрудничество с новыми режимами. Эта политика последовательно проводилась при администрациях Рузвельта, Трумэна, и самого Эйзенхауэра.

Каким бы неприятным ни был Насер, он был совершенно типичен для правителя страны нового, Третьего Мира.

Зачем было Соединенным Штатам защищать интересы Британской Империи, когда следовало постараться сделать две вещи — открыть эти освобождающиеся территории для США, и закрыть их для СССР? Что по-настоящему трудно понять, так это то, что ни Англия, ни Франция не предприняли попытки проконсультироваться с США до суэцких событий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Самое большое поражение во всей этой истории досталось на долю Великобритании. Проанглийский режим Нури Саида в Ираке пал, он сам и король Ирака, Фейсал, были убиты и растерзаны толпой. Бывшие английские клиенты — вроде Кувейта — стали в основном ориентироваться на США.

Престиж Насера в арабском мире взлетел до небес. Он начал сложные маневры по созданию Объединенной Арабской Республики. Сирия вошла в это объединение, но ненадолго.

Под лозунгом «Нефть арабов — арабам!» Насер начал политическое наступление на Саудовскую Аравию. Он считал, что нефть должна принадлежать не той стране, где она географически находится, а той, где живет большинство людей, говорящих по-арабски. А так как Египет именно такой страной и был, то логически было совершенно неоспоримо, что нефть должна принадлежать Египту. Насер вообще любил такие выражения «...логически неоспоримо...».

Израиль, — который сопротивлялся решению ООН об отводе войск до середины 1957 года — все же ушел на предвоенную границу, выговорив единственное условие — что на границе будут стоять войска ООН.

Рейды из Газы прекратились, как по волшебству. Президент Египта Насер не хотел отвлекаться на «...местные проблемы...». Израиль, напротив, переключился именно на местные проблемы — на южной границе, наконец, наступил мир.

Порт Эйлат открылся для навигации. Израиль начал строить нефтепровод из Эйлата в Ашкелон — запасной путь для нефти в Европу, в обход Суэцкого Канала. Новый Национальный Водовод — из Тивериадского Озера на Юг — резко увеличил размеры обрабатываемой земли. Понемногу решались социальные проблемы. Армия начала реформу — используя то, чему она научилась за Суэцкую Кампанию.

Генерал Симхони не участвовал в этой работе — он погиб через два дня после окончания войны, его самолет попал в самум и разбился. Новое английское правительство стало продавать Израилю танки «Центурион» — они очень пригодятся через 10 лет, во время знаменитой арабо-израильской войны 1967 года.

Рафаэль Эйтан дослужится до высшего военного поста своей страны — до должности начальника штаба Армии Обороны Израиля. Он займется политикой, и, в частности, подружится с первым послом Российской Федерации в Израиле, Александром Бовиным.

Моше Даян — после еще двух войн, и после долгих и изнурительных мирных переговоров — подпишет в качестве министра иностранных дел в правительстве Менахема Бегина мирный договор с Египтом в Кэмп-Дэвиде.

Бутрос-Гали, в то время министр иностранных дел Египта, запишет в своих мемуарах, что пиджак Даяна не шел ни в какое сравнение с пиджаком самого Бутроса-Гали, сшитым на заказ в Италии — костюм министра иностранных дел Египта был несравненно лучше.

Бутрос-Гали в дальнейшем будет назначен Генеральным Секретарем ООН, но, видимо, не только из уважения к искусству его портного.

Эзер Вейцман — в сильно пожилом возрасте — будет избран президентом Израиля. Даже на этом совершенно церемониальном посту он умудрится несколько раз сильно удивить израильскую публику.

Ариель Шарон до инсульта был премьер-министром Израиля.

Шимон Перес будет последовательно занимать все посты в правительстве Израиля, вплоть до Премьер-министра (по наследству от убитого Рабина), при этом он проиграет все выборы, в которых его кандидатура будет выставлена.

Политики и функционеры часто будут к нему вполне лояльны — например, в 2007-м Кнессет единогласно изберет его президентом страны — но вот публика... Он чем-то не мил израильскому избирателю — возможно, своей подчеркиваемой интеллигентностью. Это для политика — не всегда положительное качество.

ОТ АВТОРА

Израиль — совершенно уникальное явление. По-видимому, это единственное в мире государственное образование, которое было сознательно изобретено.

Его задумали как «ковчег спасения» для целого народа, и построили — из песка и из малярийных болот. Несмотря на героические усилия строителей, «ковчег» запоздал — и люди, для спасения которых он строился, погибли.

В огне европейского Холокоста сгорело 6 миллионов евреев. Из пепла сожженных родился Израиль. Одна из книг, посвященная ранней истории страны, так и называется — «Седьмой Миллион».

И нелегка была жизнь Израиля в его ранние годы — горсть людей, на клочке земли, окруженная со всех сторон врагами, прошла через целую череду войн с соседями — 1948, 1956, 1967, 1973 — подпираемыми огромной силой имперской сверхдержавы, СССР.

Войны были выиграны. С соседями — не со всеми — заключен мир. Непримиру враждебная Империя — Советский Союз — больше не существует. На израильском фестивале, посвященном выпуску лотереи, выступал ансамбль песни и пляски Российской Армии — и его встречали аплодисментами ...

Война с террором, однако, не окончена, она идет и по сей день. На международных ярмарках вооружений израильский павильон неизменно привлекает к себе внимание — над ним есть надпись: «К сожалению, у нас есть опыт».

Тем не менее — страна живет своей жизнью. Даже иной раз, к ликованию болельщиков, выигрывает первенство Европы по баскетболу...

Согласно известному определению, национальный характер Англии сложился под влиянием того факта, что Англия — остров. Часть суши, окруженная водой.

Израиль — тоже своего рода «остров». Часть суши, окруженная чумой.

Этот «остров», размером с треть Литвы — или с половину Эстонии — не имеющий никаких ресурсов, кроме ума и рук своих граждан, выращивает завидные урожаи, имеет мирового уровня медицину и науку, запускает спутники.

И, к сожалению, остается островом...

ГОЛОС С «ОСТРОВА»

Ничего я не знаю о Борисе Тененбауме — ни возраста его, ни происхождения, ни профессии, ни места работы. А читаю тексты — постоянно и неизменно. Отлично пишет этот «исторический литератор».

Поражают, прежде всего, особые авторские свойства писателя.

Первое — историческая точность. Как человеку, почти полвека пишущему на исторические темы, мне издавна было известно: избежать мелких ошибок в крупном сочинении практически, ну, никак невозможно. Материал вроде освоишь вполне прилично, но, увы, где-то и как-то некая мелочь, всякая ерунда проскакивает. Бывает, каким-то чудом, но... Проскакивает она и у Тененбаума тоже. Ну, скажем, где-то он назвал Ицхака Садэ первым начгенштаба Армии обороны Израиля (тот служил первым командиром Ударных рот, Пальмаха, это — должность вовсе не менее значительная, но всё-таки другая, и первым начгенштаба в Израиле считают Дрори).

Но у Тененбаума похожие неточности незначительны, а общий абрис материала обычно бывает безупречным!

Второе, на что хочется обратить внимание читателей книги, — на тот особый жанр, который Тененбаум выбрал совершенно сознательно. У него в принципе любой исторический рассказ становится вариантом художественной прозы, и главным объектом авторского внимания всегда являются не те или иные исторические происшествия, но люди, герои, персонажи, любовно отобранные автором в текст. Как положено в любой настоящей прозе, Тененбаум умеет набросать характеры — иногда одной фразой, одной чёрточкой, но так, что запоминаются они

надолго. Такими явлены для нас израильтяне из этой книги — Даян, Шарон, Абба Эбан, и даже такой мимолетный персонаж, как посол Чувакин из Советского Союза в Израиле...

Тененбаума привлекают не столько общественные, но скорее уж супердраматичные личные повороты в судьбах его героев. Посмотрите хотя бы на самые яркие сцены в биографии Даяна, начертанной автором, — это же наброски предсмертных встреч великого полководца с детьми, и тут, пожалуй, важнее всего для читателя даже не изображение поколения Даяна, героев-основателей страны (казалось бы — тема эссе!), но та «прогрессивная молодёжь шестидесятых», «левая», бунтующая (как же, «шестидесятники!»), когда дети циничными лапами пытаются отхватить имущество родителей, предав волю отцов... В изображённой трагедии, не спорю, имеется отпечаток судьбы самого Даяна, пренебрегавшего всю жизнь семьёй во имя общественно-исторических дел, и всё-таки... Всё-таки отец видится нам грандиозным великаном даже при всей несомненной авантюристности его поведения, автором великих творческих замыслов, даже если он выглядит мелковатым и глуповатым в своих романах с «испорченными девочками» или в поисках «древних черепков» Ханаана. А вот новое, приходящее на смену поколение смотрится ничтожным и пакостным... Увы, в этой личной трагедии выразительно запечатлён Тененбаумом запах XX века, когда мы все с вами переваливали из системы грандиозных дел в мелкоту личного, за которую сами и несем полноту нашей исторической ответственности...

Другое ценное (в моих глазах) качество прозы Тененбаума — удивительная лирическая её окрашенность. Причём лирика Бориса обычно разбавляется острой, иногда язвительной иронией. Не знаю, как вам, а я лично люблю такое вот историческое ехидство, обычно направленное у автора на людей, умеющих необыкновенно красиво поговорить о событиях, которыми управляют другие, в которых решали и брали на себя историческую ответственность выдающиеся люди, а рядом с ними так легко оказывалось давать советы (в том числе и нам — из будущего: надо, мол, было так, а не этак!) — что, мол, было правильным, а что оказалось неправильным... Именно таким

иронически изображенным персонажем выглядит у Бориса блестящий оратор и выдающийся журналист Абба Эбан, хотя он тоже один из лидеров легендарных правительств 50–60-х... Любимцами Тененбаума, которых тот неизменно ставит в центр своих сюжетов, являются, напротив, уверенные «дельцы», способные не только осознать, «что именно народу нужно», но, главное, убедить сам народ, что ему именно это нужно. Легко ведь каждому проорать — «Вперёд! Вперёд!», любой демагог это умеет делать без труда и риска, но невероятно трудно, например, убедить народ отступить, отдать плоды победы, когда этого потребуют его же, народа, подлинные интересы (как трудно с отступлением смириться — каждому!). Только в способности повести народ на неожиданную победу, когда все кругом жаждут поражения, или напротив, заставить сманеврировать, отойти с внешне выгодной позиции, когда всем кажется, что тут-то и зарыта победа — здесь и раскрывается истинная сила вождей нации! К счастью для него, еврейский народ обладал в XX веке такими вождями, а вот арабский народ долгие десятилетия был их лишен.

Мне кажется, что книга Бориса Тененбаума написана, в первую очередь, об этом самом — о грандиозной силы вождях, возглавивших евреев в XX веке, о личностях, которые способны своим примером подействовать на всех нас, читателей этого превосходного сочинения.

Михаил Хейфец

Хейфец Михаил Рувимович (1934), родился в Ленинграде, образование высшее (Педагогический институт им. А. Герцена, литературный факультет), с 1955 по 1966 г. учитель литературы и истории в старших классах (последнее место работы — 503 средняя школа г. Ленинграда). С 1966 года — профессиональный литератор, член группы профессиональных литераторов при ЛО ССП (основная тема публикаций — народничество и народовольчество). Публикации в издательствах «Советский писатель» (сборник «Пути в незнаемое») и «Молодая гвардия» (книга «Секретарь тайной полиции»), в журналах «Знание-сила», «Вопросы литературы», «Звезда», «Нева», «Костер» и пр.

В 1974 г. арестован и осужден на 6 лет (лагеря и ссылка) за написание предисловия («Иосиф Бродский и наше поколение») к сам-издатскому собранию сочинений Иосифа Бродского (так называемому «марамзинскому собранию»). В годы заключения написал, переправил за «проволоку» и выпустил в Париже (отдельным изданием и в периодике) три книги публицистики, документальной прозы и интервью («Место и время», «Русское поле», «Путешествие из Дубровлага в Ермак»). После освобождения в 1980 г. выехал в Израиль.

С 1982 по 1990 г. научный сотрудник Центра по изучению и документации восточно-европейского еврейства при Иерусалимском университете. Параллельно написал и выпустил в свет семь книг («Глядя из Иерусалима», «Цареубийство в 1918 г.», «Воспоминаний грустный свиток» и др.). С 1990 по 1998 г. — сотрудник (колоннист и обозреватель по вопросам бизнеса и культуры) израильской газеты «Вести».

Борис Тененбаум,
Родился в Москве,
в 1948 г.
Закончил МАИ.
В 1981 эмигрировал
в США. Программист.
Живет в Бостоне.

Глубокоуважаемый Борис!

Внутрисайтовый журнал «Копирайт» включил Ваше произведение «Знаменитая арабо-израильская война 1967 года» в Избранное Прозы.ру (выпуск 2.1).
Благодарим Вас за Ваше творчество.

Администрация журнала «Копирайт»

Спасибо за интереснейший очерк. Прочел его, будто посмотрел сериал *THE UNKNOWN WAR*. Мы действительно почти ничего не знаем об этой войне. Нужно хорошо знать историю, чтобы искать новые подходы к решению проблемы. И в этом ваш очерк весьма полезен...

Д. А. 06.05.2007

Хорошая статья. Ясное дело, слегка односторонняя, трудно было бы требовать от автора полной объективности, учитывая некоторые факторы, но все равно, очень интересно подан материал. Мало того, что факты малоизвестные, но ведь еще и художественно, хорошо написано...

Арген Алекс 03.12.2005

Написано очень хорошо, отличный баланс сухости фактов и эмоциональной окраски. Мне трудно представить, как живет страна, само существование которой под постоянной угрозой...

Михаил Мара 03.12.2005

Было очень интересно прочесть биографию Моше Даяна. На мой неискушенный взгляд — очень интересная логичная и непротиворечивая работа об очень интересном и противоречивом человеке...

Е. 22.04.2007

Очень понравилось. Исключительно познавательная работа, написана хорошим языком и должна быть интересна не только «для лиц еврейской национальности»...

В. Владмели 31.01.2007

ISBN 978-1-934881-09-5

90000 >

9 781934 881095

